

ЛИНГВИСТИКА

Н. В. Максимова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург*

Текст и коммуникативные стратегии диалога как определяющие факторы в интерпретации явления «чужой речи»

В лингвистическом изучении «чужой речи» (ЧР), рассматривающем ее в качестве самостоятельного языкового явления, обращает на себя внимание некий парадокс. С одной стороны, монография, посвященная синтаксису конструкций с ЧР, вышла 30 лет назад (это книга Г.М. Чумакова «Синтаксис конструкций с чужой речью» 1975 года), после чего подобных развернутых (монографических) исследований ЧР, ставящих задачу целостного описания феномена ЧР, в лингвистике не было. Структурно-грамматический подход, выразивший и, вероятно, во многом данным исследованием себя исчерпавший, не получил, однако, именно по отношению к ЧР отражения в обобщающих лингвистических изданиях, таких как Русская грамматика 1980 г., Лингвистический энциклопедический словарь (1990 г.), хотя и оставался (и остается) господствующим в методической (школьной и вузовской) литературе. Более того, среди синтаксических разделов вузовских учебников и академических грамматик последних лет все чаще вообще отсутствует раздел, посвященный ЧР. С другой стороны, в современной лингвистической проблематике одной из наиболее популярных является именно проблематика ЧР: наряду с исследованием интертекстуальности ЧР рассматривается в контексте проблем метатекста, референции, диалога, коммуникации, текста, функциональной семантики, прецедентных феноменов и др. Можно говорить не только о всплеске интереса к вопросам ЧР и о его устойчивости, но и о некоторой другой «крайности», связанной с тем, что выпускаются из виду собственно языковые признаки ЧР. В работах последних пятнадцати – двадцати лет грамматические позиции по отношению к ЧР значительно ослабевают (а иногда исключаются практически полностью), что необоснованно: внимание к коммуникативно-прагматическому аспекту ЧР, ее функционированию не должно исключать грамматику ЧР, – это не просто обедняет понимание последней, но и ведет к потере собственно предмета лингвистического описания.

Грамматика у явления «чужой речи» имеется, хотя и несколько иная, чем описанная в известных исследованиях структурно-грамматического направления. В качестве важнейших факторов, изменяющих представление о лингвистической концепции явления «чужой речи», следует назвать два: это 1) обращение к текстовому функционированию ЧР (к фактам образования чужой речью целостных текстовых форм) и 2) исследование ее смысловой основы – тех типовых содержаний, которые формируются при функционировании ЧР в реальных коммуникативных ситуациях.

Описание языкового явления «чужой речи» характеризуется известной разнородностью относимых к нему фактов¹. Тем не менее имеются, по крайней мере,

¹ «Факты» ЧР имеют самую широкую зафиксированность: это синтаксические конструкции и текстовые формы, лексико-морфологические показатели, грамматические категории (например, категория наклонения в балкано-славянских языках) и грамматика-

три параметра, задающие системность описания и обнаруживающие определенную целостность самого явления ЧР: это 1) оппозиция свое / чужое, которая выступает референциальной, понятийно-семантической основой при образовании формами ЧР парадигматических отношений в языковой и текстовой среде; 2) структурный принцип обособленности / проницаемости границ своего / чужого как принцип перехода от ядерных к периферийным формам ЧР; 3) единство смысловой основы – типовых содержаний ЧР, проявляющихся в соотносительности потенциальных значений и моделей функционирования ЧР. В настоящей статье описывается третий из обозначенных параметров моделирования языкового явления ЧР. Основным вопросом, который рассматривается в статье, связан, во-первых, с самой *спецификой значения, содержательной стороны* явления ЧР, спецификой описания этой стороны; во-вторых, с взаимонаправленными проекциями (1) интерпретативных значений, организующих языковую семантику ЧР, и (2) типов коммуникативных стратегий чужой речи как проявления текстового аспекта ее функционирования. Возникающие между (1) и (2) отношения составляют специфику типовых содержаний ЧР, модель описания которых в значительной степени отличается от моделей, характерных для описания семантики лексической, грамматической, синтаксической.

(1) Ведущей структурной тенденцией, организующей систему форм передачи ЧР, является тенденция к обособленности / проницаемости своего и чужого, маркированности / немаркированности границ их взаимодействия. Именно эта тенденция составляет структурный принцип перехода от ядерных к периферийным формам передачи ЧР. На основе этого структурного принципа разворачивается содержание отношений «свое – чужое» и происходит формирование типовых значений и функций ЧР. Раскроем, в чем состоит содержательная сторона действия данного принципа по отношению к типовым значениям явления ЧР.

Содержательная сторона различной степени маркированности / немаркированности, обособленности / проницаемости «своего» и «чужого» может быть раскрыта посредством опоры на понятие интерпретационного компонента – «способа представления смысловой основы в значениях, выражаемых средствами данного языка» [Бондарко, 1999, с. 60] – и описания соответствующих типов интерпретативных значений системы ЧР. Под *интерпретативным значением* в данном случае понимается то или иное конкретное типовое значение, выражаемое формами передачи ЧР и отражающее действие структурного ведущей структурной тенденции, организующей системные отношения между способами передачи ЧР. Предметом интерпретации являются отношения свое – чужое. Формирующиеся типовые значения названы нами интерпретативными: их специфика заключается в том, что такого рода значения не являются закрепленными за теми или иными формами ЧР, а соотносятся с обозначенной структурной тенденцией в целом, с тем или иным фрагментом системы ЧР, организованным на основе этой структурной тенденции. Такой тип соотносительности, взаимодействия семантики и структуры обусловлен сущностью самого явления ЧР, функционирование которого представляет собой процесс стратегического типа – в оппозиции процессов алгоритмических и стратегических [Дейк, Кинч, 1988]. Принимая данное различие в качестве важнейшего для тех областей языковой системы, где нет «одно-однозначного соответствия *функция – средство*», характеризующего, в частности, более низкие уровни языковой системы [Дымарский, 1999, с. 64], – необходимо подчеркнуть то, что описание процесса функционирования ЧР требует его последовательного описания не в рамках «языка алгоритмов» (языка гарантированного результата и близкого к однозначному соответствия «функция – средство»), а в рам-

лизованные частицы, интонационные рисунки, стилистические явления; модели ЧР рассматриваются на уровне языка, речевого высказывания и текста, монологической и диалогической речи, стилиевой вариативности.

ках «языка стратегий» (языка описания «возможностей, гипотез, тенденций – относительно достижения результата» [Дейк, Кинч, 1988, с. 163-164]).

Структурный принцип обособленности / проницаемости «своего» и «чужого», различной степени маркированности их границ является основой для развития интерпретативных значений. Анализ действия данного принципа позволяет выявлять ряд типовых содержаний, регулярно воспроизводимых говорящими и входящих в систему интерпретативных значений языкового явления ЧР в русском языке (то есть обладающих признаками регулярности, воспроизводимости, стандартизированнойности, обобщенности).

Исходя из «языка стратегий» и основываясь на анализе достаточно большого объема языкового материала различных стилей и жанров, можно сказать, что систему типовых значений ЧР составляет описание наиболее общих смысловых диад, соотносимых с типом структурной тенденции к обособленности / проницаемости «своего – чужого»: в приводимой ниже таблице представлены смысловые диады прагматически близких / далеких отношений, предметной / метаречевой направленности, обобщенно-абстрактного / конкретно-персонифицированного типа адресации.

Обозначим три наиболее общих интерпретативных значения, обуславливающих способы экспликации и функции чужой речи: интерпретанта-1 (прагматическая), интерпретанта-2 (референциальная), интерпретанта-3 (по характеру адресации); на их пересечении, взаимодействии образуются частные интерпретативные значения, выявляемые при анализе речевой ситуации / текста.

<i>Структурный принцип представления отношений свое / чужое и его интерпретативные значения</i>	<i>Тенденция к обособленности своего / чужого (вводящего и вводимого)</i>	<i>Тенденция к проницаемости своего / чужого (вводящего и вводимого)</i>
Интерпретанта-1 (прагматическая)	Представление отношений свое / чужое как прагматически «далеких»	Представление отношений свое / чужое как прагматически «близких»
Интерпретанта-2 (референциальная)	Предметная направленность (введение предметного смысла)	Метаречевая направленность (актуализация речевой формы чужого высказывания)
Интерпретанта-3 (по характеру адресации)	Обобщенно-абстрактный тип адресации (характерный для письменных жанров)	Конкретно-персонифицированный тип адресации (типичный для устных жанров)

Подчеркнем, что обозначенная соотнесенность, составляющая на уровне системных отношений потенциальную возможность формирования того или иного интерпретативного значения ЧР, должна иметь дальнейшую конкретизацию по отношению к тому или иному типу текста, стилю, жанру, той или иной индивидуально-авторской манере письма.

Интерпретанта-1 является «прагматической»: отношения свое / чужое представляются как близкие / далекие, а формы своей / чужой речи, соответственно, – как проницаемые / обособленные. Данное обобщенное значение в конкретных речевых ситуациях имеет более частные прагматические смыслы, такие, как «согла-

сие / несогласие», «положительная / отрицательная оценка» и др. Ср. замечание В.Н. Волошинова: «Когда между автором и героем в пределах риторически построенного контекста существует полная солидарность в оценках и в интонациях, то риторика автора и риторика героя иногда начинают покрывать друг друга, голоса их сливаются, и образуются длинные периоды, которые одновременно принадлежат и авторскому рассказу и внутренней (иногда, впрочем, и внешней) речи героя» [Волошинов, 1993, с. 150]. В то же время нельзя установить одно-однозначное соответствие между проницаемыми формами ЧР и прагматикой близости своей и чужой позиций и, наоборот, между тенденцией к обособленности своего и чужого в формальном устройстве ЧР и прагматикой несогласия, дистанцированности своей и чужой позиций. Правильнее говорить о типичности, регулярности такого соответствия, однако оно может быть и прямо противоположным (с этой точки зрения наиболее вариативен художественный текст). Приведем характерный пример, где прагматика возражения / согласия, выраженная в метатексте (выделено жирным мною – Н.М.), соотносится, соответственно, с высокой степенью обособленности своего и чужого в первом случае (см. подчеркнутое мною высказывание) и высокой степенью проницаемости, стертости, неактуализированности этих границ, вплоть до невозможности отделить чужое от своего, – во втором случае:

*Признаюсь, **не разделяю** и Вашего мнения о filioque, и об этом важном слове, разделившем церковь Христову, **в ответ Вам, позволю себе сказать несколько слов.***

Церковь приняла прибавление к символу, повинуюсь власти папы, говорите Вы, не желая вводить раскола, – и делом повиновения оправдываете церковь. Так можно оправдать не церковь, но только тех членов церкви, которые и должны повиноваться. Но если есть повинующиеся, то должна же быть и власть повелевающая. Она и действительно была и действовала в лице пап, допустивших прибавление нового слова к символу. <...>

*Не признавая правильным одно из доказательств в пользу прибавления к символу, я **не могу однако же не согласиться с Вашим вторым замечанием.** Осуждать западную церковь только за то, что она допустила прибавление, не входя в рассмотрение самой его сущности, было бы странным забвением или незнанием истории нашей церкви. Символ со времен апостольских и до Никейского Собора добавлялся постоянно и, позволю себе сказать, развивался, разумея в этом случае не развитие самих догматов, но способа понимания сих догматов и способа их выражения верующими. Позволю себе прибавить даже: он может еще развиваться, если потребует нужда (Из письма неизвестного П.Я. Чаадаеву [Цит. по: Чаадаев, 1991, с. 511-512]).*

Интерпретанта-2 является «референциальной». Она связана с представлением отношений свое / чужое как предметных или метаречевых, то есть имеющих содержательно-предметную или метаречевую основу взаимодействия «своего» и «чужого». В.Н. Волошинов говорит о предметно-аналитической и словесно-аналитической модификациях косвенной речи, связывая первую с «восприятием чужого высказывания в чисто тематическом плане, а все то, что не имеет никакого тематического значения, она просто в нем не слышит, не улавливает» [Волошинов, 1993, с. 140-141]). При словесно-аналитической модификации «само высказывание как таковое разлагается на его словесно-стилистические пласты» [Там же]. Выделение данной интерпретанты опирается на известное представление о двух референтных планах передаваемой ЧР – ее содержания и формы. Частными интерпретативными значениями являются такие, как «достоверность / недостоверность», «доверие / недоверие источнику информации», «точности / неточности» ЧР и др. Именно по отношению к данной интерпретанте может выделяться в качестве одного из частных значение «дословности / недословности», а также

большей или меньшей степени индивидуализированности ЧР, связанные с вопросами передачи содержания / формы речи.

Интерпретанта-3 выделяется по отношению к характеру адресации. Данную содержательную плоскость образуют значения конкретно-персонифицированного и обобщенно-абстрактного типов адресации. Моделирование первого типа адресации происходит, например, в жанрах межличностной переписки, данный тип адресации характерен для непосредственной коммуникации, опирающейся на общую память коммуникантов. Обобщенно-абстрактный тип адресации – признак «вторичных моделирующих систем» (Ю.М. Лотман). Типичной, регулярной соотношенностью данного интерпретативного значения является соотношенность конкретно-персонифицированного типа адресации и структурной тенденции к пронизываемости границ своего / чужого, слабой степени их маркированности. Напротив – обобщенно-абстрактный тип адресации характеризуется языковыми средствами с маркированными границами своей / чужой речи, с высокой степенью обособленности своего / чужого. В таком жанре, как письмо-отклик в газету устанавливается двойной тип адресации, что достаточно детально было показано в [Максимова, 1995].

Три выделенных значения не исчерпывают возможностей интерпретации отношений «свое – чужое». При анализе текстовых отрезков регулярно наблюдается взаимодействие данных интерпретативных значений. Оставаясь именно возможностями, эти значения в различной степени актуализируются в различных типах текста, его композиционных частях, в различных стилях и жанрах. Система интерпретативных значений форм передачи ЧР, построенная на основе принципов динамического взаимодействия в них «своего» и «чужого» (вводящего и вводимого), соотношенности наиболее общей структурной тенденции и трех обозначенных способов ее содержательной интерпретации как смысловых диад, наиболее регулярно воспроизводимых в современном русском языке, отражает языковой уровень формирования потенциальных типовых значений явления ЧР.

(2) Три выделенных интерпретанта имеют прямое отношение к функциональным проекциям системы ЧР и к установлению взаимосвязей внутри типологии *коммуникативных стратегий чужой речи* (КС ЧР). Эта типология, включающая восемь типов КС – пять базовых (КС-развитие, КС-применение, КС-отрицание, КС-толкование, КС-переоформление) и три пограничных (КС-комментирование, КС-оценивание, КС-переопределение), – описана нами в работе [Максимова, 2005]. Под КС понимается значимая для речевого поведения языковой личности соотношенность 1) типа позиции в коммуникации (в данном случае позиции по отношению к «чужому» / «другому») и 2) языкового способа представления этой позиции, проявляющегося на уровне текстовой модели ЧР (в письменной или устной речи, в том или другом стиле и жанре). Типы КС выделены по отношению к текстам с логико-смысловым субстратом (на материале научных, эссеистических, мемуарных текстов), имеющим в качестве референции ментальную (не нарративную) ситуацию и названным текстами-ментативами. В указанной работе дано представление о каждом типе КС, о принципах их выделения.

В качестве базовых внутритипологических связей выступают связи, построенные по принципу антитезы и содержательно соотносимые с выделенными интерпретантами системы ЧР – прагматической, референциальной и интерпретанты по характеру адресации. Проявление типовых интерпретативных содержаний на новом (макро-) уровне (на уровне КС) свидетельствует о глубинности, конститутивности данных смысловых универсалий для семантической организации языкового явления ЧР.

Так, важнейшей антитезой типологии является антитеза КС-отрицание – КС-применение, содержательно соотносимая с интерпретантой-1. В КС-отрицание устанавливаются *прагматически «далекие» отношения своего / чужого – по типу*

«чужой тезис – свой антитезис», в КС-применение – прагматически «близких», по типу «чужой синтезирующий тезис – его применение к частному, своему, случаю». Приведем пример текстовых форм, реализующих данные КС.

КС-отрицание:

После многих прочитанных и прослушанных сейчас вещей (прозаических) мы говорим: «Да, хорошо написано, но не то...»; потом поясняем: не ново, не открывает горизонтов, не пронзает; потом мы критикуем систему. Между тем дело не в системе, – дело в отсутствии нового большого писателя. Гоголевский метод, в каких-то общих чертах, был в то же время методом второстепенных писателей конца 1820 – 1830-х годов, – но Гоголь сделал его убедительным. (Л.Я. Гинзбург. Записи).

Все нынче толкуют у нас про направление: не направление нам надобно, а правление. Грамотка без учителей не водится. Самодельных властей у нас развелось много, но лиц с настоящим значением в просвещенном слое общества пока еще не завелось. (П.Я. Чаадаев. Из письма В.А. Жуковскому).

КС-применение:

Честертон обращает внимание на одну удивительную особенность, почти закономерность: культурные начинания с расчетом на бессмертие, как правило, отличает недолговечность; и наоборот: искусство вроде бы несерьезное, чуть ли не на злобу дня, часто переживает автора и доходит до отдаленных потомков. «Дон Кихот» создавался всего лишь как пародия на рыцарский роман, а «Записки Пиквикского клуба» изначально были подписями к журнальным рисункам. (С.М. Гандлевский. Порядок слов: эссе).

К 1990-м годам Венцлова переплавил влияние своего знаменитого друга. Тут уместно вспомнить письмо Осипа Мандельштама Юрию Тынянову из воронежской ссылки, где он пишет, что его поэзия пока еще не наплывает тенью на русский стих, но в свое время она сольется с ним, изменив кое-что в его составе и растворившись в нем без остатка. Видимо, что-то подобное произошло и в тандеме Бродский – Венцлова. (Е. Рейн. Записки марафонца).

Таким образом, прагматическая интерпретанта и соотнесенность КС-Отрицание и КС-Применение, образующая одну из базовых антитез типологии, представляют единый тип содержания системы ЧР, находясь при этом не в прямых, а, можно сказать, в проективных отношениях – отношениях системно-функциональных проекций одного и того же типового содержания, взаимопроекций области языковых значений и области текстового функционирования – области коммуникативных стратегий ЧР.

Другую важнейшую антитезу типологии составляет взаимосвязь КС-толкование – КС-переоформление, содержательно соотносимая с интерпретантой-2. В КС-толкование доминирует *предметная направленность* в интерпретации отношений свое / чужое – по типу «тезис (чужой) – означает – тезис (свой)», в КС-переоформление доминирует собственно *метаречевая направленность* – по типу «тезис (свой / чужой) – может быть выражен иначе как – тезис (свой).

Примеры КС-толкование:

Ахматова говорит, что Олейников пишет как капитан Лебядкин, который, впрочем, писал превосходные стихи. Вкус Анны Андреевны имеет пределом Мандельштама, Пастернака. Обернуты уже за пределом. Она думает, что Олейников – шутка, что вообще так шутят. (Л.Я. Гинзбург. Записи).

Чем объясняется факт идентичных литературных сюжетов у разных народов? По Шкловскому – самопроизвольным их возникновением.

Это значит, что литература, в сущности, предрешена. Писатель не творит ее, а как бы исполняет, улавливая сигналы. Чувствительность к такого рода сигналам и есть Божий дар. (С. Довлатов. Записные книжки).

...У нас была такая милая формула – лицо, у которого просят разрешения что-нибудь сделать, хмурится: «На ваше усмотрение, пожалуйста...» Нахмуренное лицо равносильно отказу, но «невинность соблюдена», роковое «нет» не сказано, и отказ от действия является «инициативой снизу», вполне демократическим... Этих тончайших оттенков бюрократического управления не знала никакая власть, кроме нашей, потому что, ко всем своим достоинствам, она отличалась еще неслыханным лицемерием. (Н.Я. Мандельштам. Воспоминания).

Примеры КС-переоформление:

Не прошло и года, как Фадеев, празднуя в Лаврушинском переулке по поводу первых писательских орденов, узнал о смерти Мандельштама и выпил за его упокой: «Загубили большого поэта». В переводе на советский язык это значит: «Лес рубят – щепки летят». (Н.Я. Мандельштам. Воспоминания).

Юмор – инверсия жизни. Лучшие так: юмор – инверсия здравого смысла. Улыбка разума. (С. Довлатов. Записные книжки).

Так бывает со строчками, неотвязно тебя преследующими и к делу совершенно не относящимися – своими и чужими; чаще всего с чужими, с английскими даже чаще, чем с русскими, особенно с оденовскими. Строчки – водоросли, и ваша память – тот же окунь, между ними плывающий. (И. Бродский. Посвящается позвоночнику).

Таким образом, системно-функциональные проекции типового содержания наблюдаются и в соотносительности референциальной интерпретанты и соответствующих типов КС ЧР.

Третьей важнейшей антитезой является взаимосвязь КС-Оценивание – КС-Развитие. Приведем примеры.

КС-развитие:

«Тот, кто умирает при многих свидетелях, – умирает всегда мужественно», – говорит Вольтер по поводу смерти Людовика XIV. Эта истина всегда была очевидна. Но притом как-то упускают из вида, что мужественно жить при свидетелях тоже очень трудно. Можно проводить восемь часов на службе и остальные в коммунальной квартире, – живя без свидетелей. Свидетели – это среда, апперципирующая поступки человека, оценивающая его жизнь согласно определенным этически-эстетическим нормам. Где есть Среда, там в каждой личности действует мощный закон сохранения принятого нравственного уровня. (Л.Я. Гинзбург. Записи).

Трудно ли писать стихи? – Чего уж трудного, говорила Ахматова, – когда диктуют? – Но, продолжая мысль Ахматовой, заметим: когда не диктуют, еще легче. Рецепт письма прост: садись и пиши. (Л. Костюков. Невыносимая легкость стихописания).

КС-оценивание:

Эмма Гервег в письме к Нат. Алекс. Герцен упрекала ее в «сердечном дилетантизме». Очень хорошая формула. (Л.Я. Гинзбург. Записи).

Есть такая злобедная для жизнеустройства формула: сегодня день все равно пропал, так пойдем уж вечером в кино (Л.Я. Гинзбург. Записи).

Данная антитеза составляет генеральную линию типологии как основу проявления ее диалогического содержания. Типы КС ЧР есть не что иное, как способы, модели диалогического взаимодействия «Я – Другой», представленные во внешне монологической, текстовой, форме. С точки зрения типов позиций в диалоге и способов отношения к Другому, ключевым является параметр адресованности, связанный с противопоставленностью адресата-субъекта и адресата-объекта¹. Для КС-оценивание характерны объектные отношения и доминанта кон-

¹ Возникающая диалогически значимая оппозиция (обозначаемая также как оппозиция субъект-субъектных и субъект-объектных отношений) имеет философскую традицию ее рассмотрения в контексте проблем диалога. Это прежде всего оппозиция отношений «Я

кретно-персонифицированного типа адресации («тезис (чужой) – оценка (своя)»), в КС-развитие, разворачивающейся по типу «тезис (чужой) – антитезис (свой) – синтез», доминируют субъектные отношения своего и чужого и обобщенно-абстрактный (собственно текстовый) тип адресации. Рассматриваемые системно-функциональные отношения имеют наибольшую специфику с точки зрения устанавливающихся проекций содержания. Взаимосвязь КС-развитие и КС-оценивание имеет собственное приращение по отношению к выделенной в (1) смысловой диаде: наряду с обозначенным в ней содержанием (проявляющемся в тяготении оценки к репликовой форме и конкретно-персонифицированному типу адресации, а КС-развитие, как принципиально текстовой форме, – к обобщенно-абстрактному типу адресации) в отношениях данных КС формируется новый, специфический компонент содержания (противопоставленность субъектного и объектного типа отношений своего и чужого), который не выявляется в сфере языковых значений, а является специфическим для области функционирования текстовых форм чужой речи и осуществляемых на их основе коммуникативных стратегий.

Анализ рассмотренных системно-функциональных проекций типовых содержаний ЧР не столько исчерпывает или разрешает, сколько ставит, разворачивает вопрос о характере, специфике описания содержательной стороны таких языковых явлений, где логика однозначных / многозначных соответствий «функция – средство» не только мало адекватна, но и входит в противоречие с выделяемыми на разном текстовом материале типовыми содержаниями того или иного языкового явления¹. Прежде всего к таковым относятся текстовые явления – принципиально не поддающиеся описанию на «языке алгоритмов». Выводы, которые позволяет сделать исследуемый материал функционирования ЧР (явления синтаксически пограничного, обладающего высоким текстообразующим потенциалом), касаются двух основных положений.

Во-первых, можно говорить о специфике интерпретативного значения, определяемого, в отличие от лексического, грамматического, синтаксического значений, посредством соотнесенности не с отдельной языковой формой (структурой), а со структурной тенденцией, организующей языковое явление, в целом. При этом важно, что отношения между крайними позициями смысловых диад могут достаточно свободно соотноситься с любым фрагментом языкового явления, подчиняющимся действию данной структурной тенденции. Во-вторых, важнейшая особенность описания содержательной стороны подобных явлений заключается, условно говоря, в проективном характере отношений между системным и функциональным аспектами: между типизированными языковыми значениями явления ЧР и содержанием, проявляющимся в отношениях типов КС ЧР (именно такая соотнесенность обозначена нами как «типовое содержание» языкового явления ЧР). Устанавливающиеся взаимонаправленные проекции между этими областями и составляют собственно специфику содержательной стороны описываемого языкового явления.

– Ты» / «Я – Оно», являющаяся сквозной, центральной для философских сочинений М. Бубера [Бубер, 1995], оппозиция *объектного* и *диалогического* слова у М.М. Бахтина [Бахтин, 1979], диалектика субъект-объектных отношений Я – Другой – Ты в работе [Подорога, 1993, с. 18-25]. Ср. также в работах В.И. Тюпы содержательно близкое противопоставление *авторитарного* / *конвергентного* модусов сознания в четырехчленной типологии, развивающей представление о способах диалогического взаимодействия [Тюпа, 1996].

¹ В статье [Максимова, 2004] рассматриваются две противоположные трактовки одних и тех же способов передачи ЧР (типов ее содержания), причина противоречивости усматривается в применении к анализу логики прямых, непосредственных соответствий функция – средство.

Литература

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
- Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999.
- Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.
- Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
- Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб., 1999.
- Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М., 2005.
- Максимова Н.В. Функционирование чужой речи в письмах-откликах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
- Максимова Н.В. Об одном противоречии в лингвистических трактовках «чужой речи» // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Вып. 3. Т. 2. М., 2004.
- Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX – XX вв. М., 1993.
- Тюпа В.И. Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики // Дискурс. 1996. № 1.
- Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М., 1991.